

Конь с розовой гривой

Автор:

Виктор Астафьев

Конь с розовой гривой

Виктор Петрович Астафьев

Библиотека начальной школы

В сборник вошли произведения русского писателя В. П. Астафьева: «Конь с розовой гривой», «Зорькина песня», «Милаха и кот Громило», «Злодейка». В. П. Астафьев хорошо знал деревенский уклад, потому что большую часть жизни провёл в деревне. Произведения писателя – это гимн русской природе и русскому человеку, непредсказуемому в своей доброте и жестокости. Рассказы писателя читают в начальной и средней школе, они не только прививают читателю любовь к природе, но и заставляют размышлять о честности, житейской мудрости, любви к труду, уважении старших. Рисунки И. Цыганкова.

Для младшего школьного возраста.

Виктор Петрович Астафьев

Конь с розовой гривой

© Астафьев В. П., насл., 2020

© Ил., Цыганков И. А., 2020

Конь с розовой гривой

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребяташки собираются на увал по землянику, и велела сходить с ними.

– Наберёшь туесок. Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

– Конём, баба?

– Конём, конём.

Пряник конём! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые.

Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник – совсем другое дело. Пряник можно засунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса – потерял! – хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться, что тут он, конь-огонь!..

С таким конём сразу почёту сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе и так и этак ластятся, и в чижа первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его.

Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусить положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на бадогах вместе с Мишкой Коршуновым. Левонтий заготавливал лес на бадоги, пилил его, колол и сдавал на известковый завод, что был супротив села по другую сторону Енисея.

Один раз в десять дней, а может, и в пятнадцать, я точно не помню, Левонтий получал деньги, и тогда в доме Левонтьевых, где были одни ребятишки и ничего больше, начинался пир горой. Какая-то беспокойность, лихорадка, что ли, охватывала тогда не только левонтьевский дом, но и всех соседей. Ранним ещё утром к бабушке забегала Левонтьиха, тётка Васеня, запыхавшаяся, загнанная, с зажатыми в горсти рублями.

- Кума! - испуганно-радостным голосом восклицала она. - Долг-от я принесла! - И тут же кидалась прочь из избы, взметнув юбкою вихрь.

- Да постой ты, чумовая! - окликала её бабушка. - Сосчитать ведь надо!

Тётка Васеня покорно возвращалась, и пока бабушка считала деньги, она перебирала босыми ногами, ровно горячий конь, готовый рвануть, как только приотпустят вожжи.

Бабушка считала обстоятельно и долго, разглаживая каждый рубль. Сколько я помню, больше семи или десяти рублей из «запасу» на чёрный день бабушка никогда Левонтьихе не давала, потому как весь этот «запас», кажется, состоял из десятки. Но и при такой малой сумме заполошная Васеня умудрялась обсчитаться на рубль, а то и на тройку.

- Ты как с деньгами-то обращаешься, чучело безглазое! - напускалась бабушка на соседку. - Мне рупь! Другому рупь! Это что же получится?

Но Васеня опять юбкой вихрь взмётывала и укатывалась.

- Передала ведь!

Бабушка ещё долго поносила Левонтьиху, самого Левонтия, била себя руками по бёдрам, плевалась, а я подсаживался к окну и с тоской глядел на соседский дом.

Стоял он сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застеклёнными окнами – ни забор, ни ворота, ни сенцы, ни наличники, ни ставни.

Весною левонтьевское семейство ковыряло маленько землю вокруг дома, возводило изгородь из жердей, хворостин, старых досок. Но зимой всё это постепенно исчезало в утробе русской печки, раскорячившейся посреди избы.

Танька левонтьевская так говаривала, шумя беззубым ртом, обо всём ихнем заведении:

– Зато как папа шурунёт нас – бегишь и не запнёшша!

Сам дядя Левонтий в тёплые вечера выходил на улицу в штанах, державшихся на единственной медной пуговице с двумя орлами, и в бязевой рубахе вовсе без пуговиц. Садился на истюканый топором чурбак, изображавший крыльцо, курил, смотрел, и если моя бабушка корила его в окно за безделье, перечисляла работу, которую он должен был, по её разумению, сделать в доме и вокруг дома, дядя Левонтий только благодушно почёсывался:

– Я, Петровна, слободу люблю! – И обводил рукою вокруг себя: – Хорошо! Как на море! Ништо глаз не угнетат!

Дядя Левонтий плавал когда-то по морям, любил море, а я любил его. Главная цель моей жизни была – прорваться в дом Левонтия после его получки. Сделать это не так-то просто. Бабушка знает все мои повадки.

– Нечего куски выглядывать! – гремела она. – Нечего этих пролетарьев объедать, у них самих в кармане – вошь на аркане.

Но если мне удаётся ушмыгнуть из дома и попасть к левонтьевским, то уж всё: тут уж я окружён бываю редкостным вниманием, тут мне полный праздник.

– Выдь отсюда! – строго приказывал пьяненький дядя Левонтий кому-нибудь из своих парнишек. И пока кто-либо из них неохотно вылезал из-за стола, пояснял детям это действие уже обмякшим голосом: – Он сирота, а вы всё ж при родителях! – И, жалостно глянув на меня, тут же взрывал: – Мать-то ты хоть помнишь? – Я утвердительно кивал головой, и тогда дядя Левонтий горестно облакачивался на руку, кулачищем растирал по лицу слёзы, вспоминал: – Бадоги с ней вместе год кололи-и-и! – И совсем уж разрыдавшись: – Когда ни придёшь... ночь, полночь... «Пропа... пропащая ты голова, Левонтий!» – скажет и... опохмели-и-ит...

Тут тётка Васеня, ребяташки дяди Левонтия и я вместе с ними ударялись в рёв, и до того становилось жалостно в избе, и такая доброта охватывала людей, что всё-всё высыпалось и вываливалось на стол, и все наперебой угощали меня и сами ели уж через силу.

Поздно вечером либо совсем уж ночью дядя Левонтий задавал один и тот же вопрос: «Что такое жисть?!», после чего я хватал пряники, конфеты, ребяташки левонтьевские тоже хватали что попало под руки и разбегались кто куда. Последней ходу задавала Васеня. И бабушка моя «привечала» её до утра. Левонтий бил остатки стёкол в окнах, ругался, гремел, плакал.

На следующее утро он осколками стеклил окна, ремонтировал скамейки, стол, затем, полный мрака и раскаяния, отправлялся на работу. Тётка Васеня дня через три-четыре опять ходила по соседям и уже не взмётывала юбкою вихрь. Она снова занимала денег, муки, картошек – чего придётся.

Вот с ребяташками-то дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребяташки несли бокалы с отбитыми краями, старые, наполовину изодранные на растопку, берестяные туески, а у одного парнишки был ковшик без ручки. Левонтьевские орлы бросали друг в друга посудой, барахтались, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали беремья луку-батуна, наелись до зелёной слюны, а недоеденный побросали. Оставили всего несколько пёрышек на свистульки. В обкусанные перья они пищали всю дорогу, и под музыку мы скоро пришли в лес, на каменистый увал.

Тут все перестали пищать, рассыпались по увалу и начали брать землянику, только-только ещё поспевающую, белобокую, редкую и потому особенно

радостную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького туюска стакана на два-три. Бабушка говаривала: главное, мол, в ягодах – закрыть дно посуды. Вздохнул я с облегчением и стал собирать ягоды скорее, да и попадались их выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребята сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшого парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слышали, что старшой тут, поблизости, и бояться нам нечего и незачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, слышалась возня.

– Ешь, да? Ешь, да? А домой чё? А домой чё? – спрашивал старшой и давал кому-то пинка после каждого вопроса.

– А-га-а-а! – запела Танька. – Шанька тоже шожрал, так ничего-о-о-о...

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старшой брал, брал ягоды, и, видать, обидно ему сделалось. Берёт он, старшой, ягоды, для дома старается, а те вот жрут ягоды либо вовсе на траве валяются. Подскочил старшой и пнул Саньку ещё раз. Санька взвыл, кинулся на старшого. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья Левонтьевы, катаются по земле, всю землянику раздавили.

После драки у старшого опустились руки. Принялся он собирать просыпанные, давлёные ягоды – и в рот их, в рот.

– Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя? Вам можно, а мне, значит, нельзя? – зловеще спрашивал он, пока не съел всё, что удалось собрать.

Вскоре братья Левонтьевы как-то незаметно помирились, перестали обзываться и решили сходить к Малой речке побрызгаться.

Мне тоже хотелось побрызгаться, но я не решался уйти с увала, потому как ещё не набрал полную посудину.

- Бабушки Петровны испугался! Эх ты! - закривлялся Санька.

- Зато мне бабушка пряник конём купит!

- Может, кобылой? - усмехнулся Санька. Он плюнул себе под ноги и что-то быстро смекнул: - Скажи уж лучше - боишься её и ещё жадный!

- Я?

- Ты!

- Жадный?

- Жадный!

- А хочешь, все ягоды съем? - сказал я это и сразу покаялся: понял, что попался на уд.

Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными, окровавленными глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят.

- Слабо! - сказал он.

- Мне слабо? - хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. - Мне слабо? - повторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не

струсить, не опозориться, решительно вытряхнул ягоды в траву: – Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, и ягоды вмиг исчезли. Мне досталось всего несколько малюсеньких ягодок. Жалко ягод. Грустно. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на всё рукой. Всё равно уж теперь! Я мчался вместе с левонтьевскими ребятами к речке и хвастался:

– Я ещё у бабушки калач украду!

Ребята поощряли меня: дескать, действуй, и не один калач неси. Может, ещё шанег прихватишь либо пирог.

– Ладно!

Мы брызгались из речки студёной водой, бродили по ней и руками ловили подкаменщика. Санька ухватил эту мерзкую на вид рыбину, и мы растерзали её на берегу за некрасивый вид. Потом пуляли камнями в пролетающих птичек и подшибли стрижа. Мы отпаивали стрижа водой из речки, но он пускал в речку кровь, а воды проглотить не мог и умер, уронив головку. Мы похоронили стрижа на берегу, в гальке, и скоро забыли о нём, потому что занялись захватывающим, жутким делом: забегали в устье холодной пещеры, где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая сила. Дальше всех в пещеру забежал Санька. Его и нечистая сила не брала!

– Это ещё чё! – хвалился Санька, воротившись из пещеры. – Я бы дальше побёг, вглыбь побёг бы, да босый я, а там змеев гибель.

– Жмеев?! – Танька отступила от устья пещеры и на всякий случай подтянула спадающие штанишки.

– Домовнику с домовым видел, – продолжал рассказывать Санька.

– Хлопуша! – срезал Саньку старшой. – Домовые на чердаке живут да под печкой.

Санька смешался было, однако тут же оспорил старшого:

– Да тама какой домовой-то? Домашний. А тут пещерный. В мохе весь, серый, дрожмя дрожит – студёно ему. А домовниха худая, глядит жалобливо и стонет. Да меня не подманишь, подойди только – схватит и слопаёт. Я ей камнем в глаз залимонил!..

Может, Санька и врал про домовых, но всё равно страшно было слушать, и чудилось мне – кто-то в пещере всё стонет, всё стонет... Первой деранула от этого худого места Танька, а следом за нею и все ребята с горы посыпались. Санька свистнул, заорал, поддавая нам жару...

Так интересно и весело мы провели весь день, и я совсем уж забыл про ягоды. Но настала пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

– Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! – заржал Санька. – Ягоды-то мы съели... Ха-ха! Нарошно съели! Ха-ха! Нам-то ништяк! Ха-ха! А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, что им-то, левонтьевским, «ха-ха», а мне «хо-хо». Бабушка моя, Катерина Петровна, – не тётка Васеня.

Тихо плёлся я за левонтьевскими ребятами из лесу. Они бежали впереди меня гурьбой и гнали по дороге ковшик без ручки. Ковшик звякал, подпрыгивал на камнях, и от него отскакивали остатки эмалировки.

– Знаешь чё? – поговорив с братанами, вернулся ко мне Санька. – Ты в туес травы натолкай, а сверху ягод – и готово дело! «Ой, дитяtko моё! – принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. – Пособил тебе Воспо-одь, сиротинке, пособил...» – и подмигнул мне бес Санька, и помчался дальше, вниз с увала.

А я остался.

Утихли голоса левонтьевских ребяташек внизу, за огородами, и мне сделалось жутко. Правда, село здесь слышно, а всё же тайга, пещера недалеко, а в ней домовниха с домовым и змеи кишмя кишат.

Повздыхал, повздыхал я, даже чуть было не всплакнул, и принялся рвать траву. Нарвал, натолкал в туесок, потом насобирал ягод, заложил ими траву, получилось земляники даже с «копной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/viktor-astafev/kon-s-rozovoy-grivoy>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)